

УДК 34.01

DOI 10.25688/2076-9113.2020.38.2.05

Ю. В. Сорокина

Постклассическая онтология права и вопрос универсалий

Данная статья преследует цель раскрытия вопроса о ценностях права. При этом в работе анализируется прежде всего постклассическая онтология права, которая выработала свой тип правопонимания и свое видение ценности права и правовых ценностей. Данная концепция права видит ценность права в его способности быть средством коммуникации. Автор не соглашается с этим в полной мере, считая, что универсалии в праве присутствуют.

Ключевые слова: ценность; право; универсалии; свобода; коммуникация; диалог; правопонимание.

Вопрос о ценности права, его оправдании, уже много лет является одной из главных тем теоретико-философского дискурса. За это время было представлено много идей и концепций, посвященных общей теории ценностей, ценности права в целом и правовым ценностям в частности. В поисках ответов исследователи, и это закономерно, сталкиваются с базовой философско-правовой проблемой — правопониманием. Именно концепции правопонимания отвечают на главные вопросы о праве: что такое право, в чем его назначение, которое определяет его ценность. При этом огромное значение для этой сферы исследования имеет общее учение о ценностях, хотя и в этой области мы тоже не найдем однозначных ответов. Ученые уже давно задумывались о ценности права, разрабатывая свои теории в сфере общей теории ценностей. Примером тому может служить работа Макса Шелера «Ресентимент в структуре моралей».

Одним из первых в числе ученых, которые поставили цель защитить право и обосновать его необходимость, был Г. Ф. Шершеневич. Работал он в идеях собственного правопонимания, придерживаясь концепции позитивизма, оригинальность его идей и убежденность в своей правоте оставляют сильное впечатление. Г. Ф. Шершеневич в 1910–1912 годах издал в 2 томах фундаментальный труд «Теория государства и права». В нем есть небольшой параграф «Оправдание права», написанный в русле полемики с анархистами. И здесь замечательный русский юрист, развивавший теорию права задолго до оформления парадигмы неклассической рациональности, критиковавший Л. И. Петражицкого, выставил свои аргументы оправдания права, в которых обосновывает его необходимость, назначение, ценность. Анархисты и Л. Н. Толстой

критиковали право за то, что в нем присутствует принуждение, то есть оправданное насилие. Но признавая эту правовую составляющую, Г. Ф. Шершеневич утверждал, что главное в праве — справедливость и целесообразность, и «человек только тогда может служить праву, пользоваться им, когда у него есть убеждение в том, что само право служит правде» [10, с. 45]. Вместе с тем Шершеневич считал, что ценность права определяется и вне зависимости от его содержания. Оправдание права, по Шершеневичу, сводится к доказыванию того, что оно необходимо для целей развития общества. Он не отрицал необходимости принуждения, против чего, собственно, выступали его оппоненты — анархисты. Шершеневич не верит, что порядок может поддерживаться без организованного принуждения. Анархисты и Л. Н. Толстой настаивали, что порядок может держаться на добровольных соглашениях — способом регулирования общественных отношений должна быть мораль, лишенная санкции. Соединение людей должно держаться не на власти, а на договоре. По мнению Шершеневича, «современные большие и сложные общества не выдерживают давления индивидуализма без правовых скреп» [10, с. 54]. Конечно, наличие принуждения в праве многим кажется это несимпатичным. Но это до тех пор, пока дело не коснется их личных интересов. Право же необходимо для защиты интересов всех членов общества. «Власть и право, конечно, могут служить интересам меньшинства в ущерб большинству. Но они же и способны приспособлять меньшинство интересам большинства. Право есть сильное орудие, опасное в одних руках, благотельное в других. Топором можно срубить лес для постройки избы, но топором можно и человека убить. Все дело в том, чтобы право, как и топор, находилось в таких руках, в которых орудие было бы полезным, а не опасным» [Там же].

Но перейдем к современным обоснованиям ценности права.

В настоящее время широкое признание в философской и правовой науке получила парадигма неклассической рациональности, которая предложила несколько иное видение социальной реальности, в том числе и правовой ее составляющей. И эта парадигма отнюдь не отбросила вопрос о ценностях и ценности права, но представила свое понимание этой проблемы.

Начнем с очевидностей, а именно с того, что право есть часть культуры социума, а потому в нем закономерно представлены и закреплены ценности как всего общества, так и отдельных его членов. Как справедливо пишут В. Б. Романовская и П. С. Жданов, «во многом содержание права является отражением базовых, мировоззренческих установок общества. Следовательно, эволюция правовой системы не может получить адекватного осмысления в отрыве от анализа изменений, происходящих в мировоззрении носителей данной традиции права» [8, с. 18]. Возьмем, например, Японию или Южную Корею. В этих странах на фоне невиданного развития технологий мировоззренческие установки меняются очень слабо и общество бережно сохраняет свои традиции.

Но все же традиции не остаются вечно неизменными, и это особенно явно просматривается в истории западной цивилизации, где уже в Средние века

активно развивались и правовая наука, и философия. В XVII веке сформировались основы так называемой классической рациональности. На сцену вышел рационализм, базировавшийся на гносеологических идеях французского исследователя и философа Рене Декарта (1596–1650). В соответствии с положениями рационализма субъективное сознание противопоставляется внешнему миру, который является объектом познания со стороны субъекта. Следовательно, складываются отношения типа «познающий субъект – познаваемый объект». В процессе познания субъект пользуется имманентно данными логическими структурами, которые он способен вычлениить и постичь. Это значит, что существуют объективные идеи, которые человек способен познать разумом [8, с. 19]. Рационализм изменил взгляд на естественное право (отказался от христианского обоснования), выдвинул идеи прав и свобод, формального равенства, разделения властей и позже идею правового государства. Исходя из этого, можно заключить, что классическая парадигма рассматривает правовые ценности как универсальные, рационально познаваемые, объективно данные аксиомы, которые находят закрепление в позитивно-правовых формах — нормативных актах, обычаях, международных договорах, судебных прецедентах. Также можно встретить выражение «собственная ценность права» [2, с. 166], которое как бы подтверждает, что право является трансцендентной данностью, имеющей ценность независимо от субъективного восприятия. Такое отношение к праву, безусловно, порождено классической рациональностью.

Однако реальная жизнь права и традиции правопонимания складывались не так однозначно, как это виделось в классической системе. Вестфальский мир 1648 года изменил политическую реальность и вызвал к жизни рост национального сознания, формирующегося параллельно с созданием национальных государств. Если средневековое сознание было наполнено христианским универсализмом, а классический рационализм предлагал универсализм ценностей, то начиная с конца XVII века складывается историческое сознание (начало этому процессу, как мы полагаем, несколько ранее положил протестантизм). Оно обуславливает отношение к праву и правовой системе как к некоему уникальному феномену, который формируется в конкретной культурной среде каждого социума. Но с приходом позитивизма, как пишут В. Б. Романовская и П. С. Жданов, общезначимость ценностей вообще теряла свой смысл [8, с. 20].

Позднее отрицание универсальных ценностей мы найдем у В. Дильтея, который саму человеческую жизнь трактовал как культурно-историческое бытие человека и отрицательно относился к принципам единства идеалов и ценностей [3]. Познание реальности человеческого общества всегда осуществляется через призму актуальной исторической ситуации. Познавая реальность, человек оказывается погруженным в нее и, к слову, сам по себе является текстом этой реальности. Следовательно, отношение к правовым явлениям и их изучение основывается на субъективном восприятии, сформированном средой. Но, пропуская через сознание элементы реальности, человек способен изменить ее саму, приводя в движение жизни акты сознания, которые складываются

у него в процессе жизни. Такие положения были введены Л. И. Петражицким в его психологической теории правопонимания. Считается, что он одним из первых ввел элементы неклассического подхода к праву.

Появление неклассической парадигмы поставило под вопрос объективность и определенность изучаемого научным познанием мира, а реальность стала восприниматься как нечто многомерное, динамичное, вероятностно-определенное и в значительной степени зависящее от самого познающего субъекта. Изменения в философском методе прямо затронули подход к пониманию права и, соответственно, к его ценности. Постклассическая онтология рассматривает право как средство коммуникации, то есть отказывается от понимания его как догматичной закрытой системы. Как пишет И. Л. Честнов, «вызов постклассической научной картины мира предполагает признание многомерности права, его онтологическую диалогичность, включающую взаимообусловленность трех основ измерений правовой реальности — нормы права, ее восприятия сознанием и реализации в правовом поведении» [13, с. 160]. В этой многомерности и диалогичности вопрос о ценности права приобретает особую значимость, так как отрицание универсалий выводит на первый план отношение к праву как к ценностно нагруженному явлению [14, с. 7]. И это естественно, поскольку творцом права признается человек, погруженный в ментальные intersубъективные процессы [12, с. 77]. Также И. Л. Честнов замечает, что отношение к ценности как таковой и, соответственно, к ценности права кардинально меняется [14, с. 7], о чем пойдет речь ниже. Право рассматривается как неотъемлемая часть человеческой жизни, оно является способом коммуникации субъектов, погруженных в жизненный мир, а процесс коммуникации как таковой формирует содержание и последующее воспроизводство права.

С. И. Максимов, говоря о многомерности правовой реальности, указывает, что рассуждение о природе права (и, соответственно, его ценности. — Ю. С.), неизбежно ставит вопрос о соотношении универсального и культурно-особенного в праве [6, с. 55]. Он считает, что в праве содержатся и универсально-цивилизационные и культурно-специфические моменты. Универсальным ценностям права противостоит культурная традиция. Очень сложно навязывать ценности тем культурным сообществам, которым они не были свойственны. Хотя, по мнению автора работы, это вполне возможно. Примером тому может служить нацистская Германия, в которой буквально за два-три года парадоксально изменилось общественное сознание. Из одной из самых прогрессивных стран по уровню развития прав и свобод Германия превратилась в пропитанное нацистскими идеями общество, где нормальным считалось то, что самые близкие люди могли доносить друг на друга (к слову, гестапо располагало весьма небольшим аппаратом, а успешность его деятельности обеспечивалась готовностью населения сотрудничать с ним).

Но вернемся к нашей теме. С. И. Максимов не отрицает универсальной ценностной основы в праве и при этом обращается к И. Канту, который

обосновал ценность права через самую абстрактную свободу личности — свободу суждения, из которой вырастает автономия личности. Признание субъекта самостоятельным и ответственным за принятые решения составляет фундамент права и придает ему смысл, состоящий в охране и гарантированности свободы извне. Известна такая формула: равенство в свободе «“по всеобщему закону”» выражает формальное универсальное общезначимое в праве» [5, с. 260]. Кроме того, ценность права состоит в том, что оно предоставляет условия самореализации личности, поскольку самореализация в наиболее полном ее варианте возможна только в ситуации гарантированной свободы. И опять мы упираемся в неразрывность права, свободы и равенства. И здесь С. И. Максимов приходит к справедливому выводу о том, что право включает в себя партикулярную составляющую, которая предполагает обусловленность характера права конкретной культурой, и универсальную составляющую — закрепление правом ценности человеческой жизни, свободы, достоинства, собственности.

Однако ситуация постмодерна перенесла вопрос о ценности права из сферы дискурса об универсалиях в сферу дискурса о коммуникации как назначении права. Именно это свойство стало определять его ценность. Чем же это объясняется? О невозможности достаточного обоснования универсальных ценностей в социальных нормах вообще писал Ю. Хабермас [9, с. 182]. Главным в социальной, в том числе и правовой, норме является не закрепление универсалий, а признание тех или иных ценностей обществом, которое обеспечивает их социальную значимость. При этом речь не идет об отдельных индивидах, здесь имеет место некая условность, но, как пишет Ю. Хабермас, «прямое и побочное действие как общее следование возымеет для удовлетворения каждого отдельного индивида и может быть без какого-либо принуждения принято всеми, до кого оно имеет касательство» [Там же]. Правовая норма появляется в результате поиска совместными усилиями рациональности, то есть она представляет собой результат и процесс коммуникации. И. Л. Честнов обосновал диалогическую концепцию права, где право представлено как диалог в ситуации социальных антиномий. Что же это за антиномии? Например, И. Л. Честнов обращается к антиномии личности и общества. Классическая юридическая наука акцентировала внимание на индивиде и его интересах, следуя в русле идеологии либерализма. Но имелось также другое видение соотношения личности и общества, которое утверждало «примат целого, вывода его из постулируемой объективной потребности: духа нации, солидарности» [12, с. 164]. Диалогическая концепция права не утверждает примата ни того, ни другого, а заостряет внимание на процессе их взаимодействия и взаимоперехода [Там же]. Причем диалог — это не обязательно участие разных субъектов: так, антиномию «личность – общество» мы можем встретить в сознании одного человека. Например, судья, следователь и др. могут чувствовать антиномию между своим статусом как представителя государства и человеком — носителем этого статуса. Правда, здесь наряду с затрагиванием правовой сферы мы неизбежно вступаем и в сферу внутренней морали.

Еще одна антиномия: «идеальное – материальное». Идеальным здесь выступает правовая норма — модель поведения. Норма формируется как некий образец поведения, канон. Неподпадание под этот канон означает, что данное поведение неправомерное, отступление от канона характеризует поведение как неправомерное. Но вот норма начинает свою жизнь, то есть обретает материальные формы, и оказывается, что невозможно в точности следовать этому канону, поскольку жизнь уже приготовила нам тысячу ситуаций, которые, по крайней мере, требуют работы с нормой: толкования, применения аналогий, может даже поправок.

Также в ситуацию диалога включается объективное право и субъективное право (считаем, что нельзя с уверенностью сказать, что здесь имеет место антиномия). Это отношение отчасти похоже на антиномию «идеальное – материальное». Субъективное право вытекает из объективного права, из совокупности его норм, но это к тому же мостик к материальному. Права и обязанности субъектов формируются не только из норм объективного права, но и из конкретных соглашений (в случае допущения такой свободы объективным правом). Можно сказать, что объективное право — это возможность, субъективное право — это действительность [7].

Наконец, существует антиномия универсалий в праве и конкретного исторического контекста, а также антропологического измерения права, которое означает гармонизацию и взаимный баланс норм и психики человека, его идеалов, потребностей и ожиданий.

Все эти антиномии требуют диалога, который обеспечивает правовая коммуникация. В центре коммуникации стоит человек, погруженный в реальность и именно он своими действиями реализует право и, соответственно, выстраивает диалог. Диалог следует рассматривать прежде всего как общение, являющееся не просто средой, но и условием бытия человека. И тут на сцену человеческой жизни выходит Другой. Вся жизнь человека проходит в ситуации общения с Другим. Он не только удовлетворяет потребности человека в обмене информацией, возможности излагать свои мысли и воспринимать мысли Другого. Именно через Другого возможно самопознание и самооценка. Диалог проявляется «в действиях, ментальных образах персонифицированного или абстрактного человека. Поэтому понятие “Другой” имеет несколько аспектов. Это может быть участник взаимодействия, как фактический, так и воображаемый, это может быть носитель личностных характеристик, а может быть носителем безличностных признаков социально-значимого другого» [11, с. 58].

Норма права — это некая конструкция, имеющая знаковую форму, которая, как уже говорилось, формулирует образец общезначимого поведения. Она материализуется, как также отмечалось, в повторяющемся поведении неопределенного числа субъектов, а кроме того, в социальных представлениях. Она проникает в сознание и превращается в мировоззренческий образ [Там же]. Утверждая это, нельзя не привести тезисы из теории Л. И. Петражицкого, который утверждал, что право — это прежде всего психический

феномен, оно формируется как ментальный образ, а потом материализуется в типическом поведении. В его основе лежит эмоциональное переживание лицом своих обязанностей и своих правомочий. То есть право возникает из психики людей. Объективно выраженные источники права (то есть право позитивное) основываются на интуитивном — праве эмоций. Интуитивное право имеет аутентичный характер, оно «не навязано человеку какой-то внешней силой, но выражает его собственные представления о норме поведения» [4, с. 29]. Конечно, это право не может существовать без влияния общества, действий государственных органов и иных субъектов, но все его уложения пропускались через мыслительную деятельность и в итоге сформировались в собственный ментальный правовой идеал.

Но правовая эмоция — это лишь шаг (хотя и важный) на пути к появлению реального права. Далее она получает оформление, реализуется, укрепляется в обществе. Сам Л. И. Петражицкий признавал, что пока правовая норма «не станет стереотипом поведения крупных социальных групп, она работать не будет. Государство может принимать любые необходимые ему нормативно-правовые акты, рассчитывая на их положительный эффект, но пока заложенные в них нормы не станут частью психологии людей, работать они не начнут» [Там же].

Но вернемся к диалогу. Ориентация на обобщенного социально значимого Другого, по мнению И. Л. Честнова, сдерживает правовую инновацию. А применительно к норме права это означает, что должен производиться анализ реакции населения на правовую новеллу [11, с. 61]. Правда, в условиях России такой анализ пока не проводился вообще. Признание нормы со стороны общества называется легитимацией права. Здесь становится важным принять точку зрения Другого. И тогда структура, например норма права, институт, становится частью правосознания и массово воспроизводится в социальной практике [Там же]. Таким образом, ценность правовой нормы в современной правовой реальности состоит в том, что она имманентно диалогична — обеспечивает взаимодействие личности и структуры. Норма права в своей диалогичности также обеспечивает нормальное, стабильное функционирование как всего общества, так и его составляющих. Напомним, что неклассическая наука рассматривает общество как совокупность коммуникаций. Проблеме ценностей права посвятил свой труд Н. Н. Алексеев [1, с. 55], где рассматривал диалог между личностью как высшей ценностью и государством как целым, причем считал, что вопрос о ценностях невозможно разрешить без метафизических предпосылок. В основу правовых ценностей он ставил личность, защищая таким образом позицию наличия универсалий в праве. Алексеев замечает, что «с тех пор как римские юристы ввели понятие *persona*, идея личности в праве стала казаться настолько привычной, что отказ от нее являлся своеобразной юридической ересью» [Там же].

Когда сопоставляют право и личность, то, как правило, параллельно рождаются следующие высказывания в отношении сущности права: «право — это обужданный эгоизм», «право — это защищенный интерес», «область защищенной

свободы», «равновесие между свободой и правом», то есть право всегда в качестве своей цели ставит человека и по-другому быть не может, если, конечно, оно действительно является таковым. Однако неклассическая онтология права прекращает рассуждения о личности вообще как об усредненном, идеальном явлении. Она обращается к личности как к живому человеку с его интересами, силой и слабостью. Н. Н. Алексеев приходит к очень глубокому выводу о том, что «между эмпирическим фактом живой человеческой личности и идеей права нет и не может быть никакой логически-необходимой связи» [1, с. 55]. Дело в том, что личность сама творит ценности, которые находят закрепление в праве, и эти ценности рождаются в процессе коммуникации. Погруженная в правовую реальность, личность создает ценности и является их носителем. Ценностью, таким образом, становится то, что воспринимается и принимается обществом. Соответственно, правовой ценностью является личность как носитель ценностей в смысле воплощения их в актах коммуникации. Право определяет меры по защите ценностей и их носителей. Но личность имеет ценность не только как актер и носитель определенных идей, но и в своем внутреннем существе, самом факте своего существования. Право может признавать ценностью конкретные свойства личности, проявляющиеся вовне — храбрость на войне, мудрость в общественных и государственных делах и т. п. Но это тоже раскрывает личные и общественные ценности, где конкретный человек выступает как их носитель. Несмотря на разность культур, которым свойственны свои ценности, в любой из них личность как факт, как явление действительности составляет бесспорную, непререкаемую ценность. Право защищает жизнь, здоровье, собственность человека, и эта функция придает ему некий универсальный характер.

Классическая онтология права воспринимает антиномию «личность — общество» как противоречие между индивидуализмом и коллективизмом, неклассическая онтология снимает этот вопрос. Реальные люди создают различные ассоциации и не противопоставляют себя им, скорее наоборот, чувствуют себя их частью. Правовая реальность — это непрерывный процесс коммуникации, где целое проявляется в частном, а частное имеет все признаки целого, поэтому целое и частное неотделимы друг от друга, они находятся в процессе постоянного взаимодействия и переплетения. Ценности в этой реальности не рассматриваются как нечто внешнее субъекту, они обнаруживаются в нем самом. Все это верно. Но надо иметь в виду и следующее: никто не будет оспаривать, что закон исходит от авторитета, например от государства, и воспринимается как явление внешнее по отношению к индивидуальному сознанию. Поначалу он оказывается чуждым и даже враждебным для человека, пребывающего в ситуации постоянных коммуникаций. Однако постепенно он внедряется в сознание, например, с помощью идеологического воздействия со стороны различных субъектов, (интернет-сайты, СМИ и т. п.), и через индивидуальное сознание распространяется в человеческих ассоциациях. Конечно, можно говорить, что закон не будет действовать, пока он будет воспринимается как чужой.

Но если авторитет (власть) поставил себе целью внедрение каких-то новых моделей в индивидуальное и коллективное сознание и полон решимости добиться этого, то это непременно произойдет. Приведем пример одного ученого — доктора-психиатра, который пытался ответить на вопрос, каким образом нацистский режим смог внедрить в сознание нации свои бредовые и страшные идеи. Он считал нацистов людьми с психическими заболеваниями, ведь нормальный человек, тем более в такой культурной стране, как Германия, не мог исповедовать идеалы нацизма. Этот ученый работал с людьми, оказавшимися на скамье подсудимых Нюрнбергского процесса, и пришел к выводу, что все они не имеют отклонений в психике и вполне здоровы. Получалось, что абсурдные идеи стали частью индивидуального и коллективного сознания людей, которые, находясь в нормальных условиях, никогда не стали бы исповедовать нацизм и реализовывать Холокост. Но пропагандистская машина сработала безупречно. Люди строили среду обитания, становясь носителями идей чистого зла. И все это стало основой коммуникации.

Но вернемся к нашей теме — пониманию ценностей права сквозь призму неклассической правовой онтологии. При рассмотрении права как особого вида коммуникации, следует именно в этом свойстве видеть его ценность. Право — способ и условие коммуникации. Здесь неизбежно встает вопрос об универсализме и партикуляризме в праве. Последнее означает соотношение права с определенной культурной, ментальной средой, в которой субъект сам формирует свои взгляды на юридические ценности, развивает в себе способность к созданию новых ценностей, адекватных новой культурной актуальности [8, с. 18]. Но право имеет и универсальную составляющую, которая также вплетена в систему коммуникаций. И. Л. Честнов пишет, «что универсальность права и его универсальная ценность — это его социальное назначение, которое состоит в обеспечении нормального функционирования и выживания социума» [14, с. 14]. У всех народов во все времена существовали конститутивные для всего общества нормы, «обеспечивающие как минимум выживание и как максимум достижение желаемого уровня функционирования общества, а сегодня человечества. Так, везде существует запрет на убийства, кражи, грабежа» [Там же]. Постклассическая онтология права не игнорирует такое свойство правовой нормы, как принудительность, о которой говорилось выше. С необходимостью принуждения согласны и позитивисты, и представители коммуникативной и диалогической концепции права. Реальность такова, что одна группа субъектов навязывает свои модели другим людям, и эта деятельность всегда сопровождается явным или имплицитным принуждением. Но можно ли поставить на этом точку, подводя универсализм в праве к его функциональности и принудительности? Неужели нет ничего такого, что определяло бы внутреннее содержание права и, соответственно, его внутреннюю ценность, не подлежащую изменениям с течением времени?

Изучение эволюции общества, и не только западного, приводит к осознанию того, что право имеет внутренние константы, проявляющиеся

в его назначении защищать свободу, равенство, достоинство, безопасность человека. Эти константы были выявлены и приняты задолго до появления рациональной парадигмы и получили отражение в трудах св. Августина, Фомы Аквинского, а также закреплялись в законодательных памятниках, например в Вестготской правде, где говорилось о недопустимости произвола королевской власти.

И. Кант сформулировал такую константу, назвал он ее моральным законом с присущими ему качествами априорности, абсолютности и безусловности. Христианские мыслители утверждают, что моральный закон, а в христианских источниках он называется естественным законом, является искрой Божественного света, отраженного в сознании. Естественный закон существует объективно и способен быть понятым разумом. Протестантский мыслитель И. Кант считал, что априорность морального закона является свойством сознания [4, с. 28]. Моральный закон выступает критерием Добра и Зла, оценкой поведения человека. И. Кант выводит свой категорический императив, смысл которого выражает утверждение-максима: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [5, с. 260] есть у него и еще схожая максима: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [5, с. 346].

Автор работы согласен с тем, что существуют трансцендентальные базовые ценности. Внутреннее осознание ценности свободы, равенства, человеческого достоинства, справедливости, порядка, безопасности дается человеку как самоочевидная истина, воспринимается как должное, которое подлежит закреплению в правовых формах. Безусловно, человек сам творит и воплощает в жизнь выработанные им ценности, адаптирует формы и способы коммуникации к меняющейся реальности, выстраивает диалог в форме правовых моделей. Но в его сознании укоренена мысль о том, что в основе права лежит идея защиты свободы, равенства и справедливости. При всей своей нематериальности естественное право признается всеми, кто обладает здравым смыслом. История показывает, что как бы ни выхолащивалось из сознания стремление к универсальным, вневременным ценностям, идеи эти возрождаются в сознании людей вновь и вновь.

Таким образом, суммируя сказанное, можно еще раз повторить, что проблема ценностей права многоаспектна и многослойна. Например, утверждая, что право создается людьми, можем ли мы говорить о власти, ведь власть состоит из людей? Представляет ли собой ценность правовая норма вне зависимости от того, какими методами она пользуется, чтобы обеспечить порядок, или же порядок может быть достигнут посредством правового диалога, и только норма, обеспечивающая такой диалог, может обеспечить стабильность и организованность бытия, а следовательно, только такая норма имеет ценность? И вообще, можно ли говорить о ценности права как целостного явления? Эта проблема остается очень притягательной для теории и философии права и в дальнейшем будет иметь и новые обоснования, и новые идеи.

Литература

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Юридический институт, 1998. 256 с.
2. *Алексеев С. С.* Теория права. М.: Норма, 1995. 454 с.
3. Библиографическая энциклопедия. URL: <http://date.gnpbu.ru> (дата обращения: 11.05.2019).
4. *Жуков В. Н.* Право как ценность // Государство и право. 2010. № 1. С. 21–34.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Сочинения в 6 т. М.: Научная мысль, 1965. Т. 4. Ч. I. 376 с.
6. *Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 685 с.
7. *Матузов Н. И., Ушанова Н. В.* Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2010. 392 с.
8. *Романовская В. Б., Жданов П. С.* Неклассическая рациональность и проблема ценностей в праве // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 18–22.
9. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 378 с.
10. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во братьев Башмаковых, 1910–1912. 805 с.
11. *Честнов И. Л.* Диалогичность нормы права // Конфликтология. 2011. № 4. С. 57–62.
12. *Честнов И. Л.* Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 685 с.
13. *Честнов И. Л.* Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 157–162.
14. *Честнов И. Л.* Ценность права в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3. С. 7–16.

Literatura

1. *Alekseev N. N.* Osnovy` filosofii prava. SPb.: Yuridicheskij institute, 1998. 256 s.
2. *Alekseev S. S.* Teoriya prava. M.: Norma, 1995. 454 s.
3. Bibliograficheskaya e`nciklopediya. URL: <http://date.gnpbu.ru> (data obrashheniya: 11.05.2019).
4. *Zhukov V. N.* Pravo kak cennost` // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 1. S. 21–34.
5. *Kant I.* Osnovy` metafiziki npravstvennosti // Sochineniya v 6 t. M.: Nauchnaya my`sly, 1965. T. 4. Ch. I. 376 s.
6. *Maksimov S. I.* Konceptsiya pravovoj real`nosti // Postklassicheskaya ontologiya prava / pod red. I. L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2016. 685 s.
7. *Matuzov N. I., Ushanova N. V.* Vozmozhnost` i dejstvitel`nost` v rossijskoj pravovoj sisteme. Saratov: Izd-vo Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava, 2010. 392 s.
8. *Romanovskaya V. B., Zhdanov P. S.* Neklassicheskaya racional`nost` i problema cennostej v prave // Rossijskij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2015. № 3 (4). S. 18–22.
9. *Xabermas Yu.* Moral`noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. SPb.: Nauka, 2000. 378 s.

10. *Shershenevich G. F.* Obshhaya teoriya prava: V 2 t. T. 2. M.: Izd-vo brat'ev Bashmakovy`x, 1910–1912. 805 s.
11. *Chestnov I. L.* Dialogichnost' normy` prava // *Konfliktologiya*. 2011. № 4. S. 57–62.
12. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya dialogicheskaya ontologiya prava // *Postklassicheskaya ontologiya prava / pod red. I. L. Chestnova*. SPb.: Aletejya, 2016. 685 s.
13. *Chestnov I. L.* Postklassicheskoe pravoponimanie // *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*. 2010. № 5. S. 157–162.
14. *Chestnov I. L.* Cennost' prava v postklassicheskom izmerenii // *Rossijskij zhurnal pravovy`x issledovanij*. 2015. № 3. S. 7–16.

Yu. V. Sorokina

Postclassical Ontology of Law and the Issue of Universals

This article aims to disclose the issue of the values of law. Moreover, the work first of all analyzes postclassical ontology of law, which developed its own type of legal understanding and its vision of the value of law and legal values. This concept of law sees the value of law in its ability to be a way of communication. The author does not fully agree with this, believing that universals exist in law.

Keywords: value; law; universals; freedom; communication; dialogue; legal understanding.